

Людическая функция в круговороте общения «языковых личностей»

Валентина Ивановна Фурсенко

*Таврический Национальный Университет им. В. И. Вернадского
кафедра русского языка*

Фурсенко Валентина Ивановна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Закончила историко-филологический факультет Симферопольского педагогического института им. М.В.Фрунзе (ныне Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского) в 1960 году. После окончания института работала учителем русского языка и литературы в средней школе №7 Симферополя. В 1966-69 гг. обучалась в очной аспирантуре при кафедре общего языкознания МГПИ им. В.И.Ленина. В 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию по синтаксису сложного предложения. Ведет лекционные курсы по синтаксису современного русского языка, русской диалектологии, разработала спецкурс "Грамматика чувств". Опубликовано около 60 работ. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, концептосфера языка, языковая личность, познавательная деятельность человека - эмотивная семантика.

В статье рассматривается один из аспектов коммуникации: носитель языка, пользователь, компетентная языковая личность в процессе общения испытывает давление "плотного социолекта власти", т. е. энкратического языка. Языковая личность отстаивает свое право использовать в круговороте общения язык в соответствии со своим индивидуальным способом и стилем взаимодействия.

У статті розглядається один з аспектів комунікації: носій мови, користувач, компетентна мовна особистість в процесі спілкування випробовує тиск "щільного соціолекта влади", тобто енкратичної мови. Мовна особистість відстоює своє право використати в кругообігу спілкування мову у відповідності зі своїм індивідуальним способом і стилем взаємодії.

The article describes one of the communication aspects: a native speaker, user, competent language person in the process of language communication suffers a "compact sociolect of a power", that is to say encrathic language. The language person asserts her/his right to use the language in her/his individual way and style of interaction in communicative circulation.

Ключевые слова: людическая функция, коммуникация, социолект, энкратический язык, языковая личность, homo ludens

Предметом наших размышлений явилась тема, предложенная на межвузовском семинаре Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: «Когнитивные аспекты языковой коммуникации».

Первым шагом к общению может стать неожиданная языковая форма: или совершенно «непрогнозируемая» в семантическом, смысловом, информативном плане фраза, или не соответствующая правилам этикета экспансивность, экстравагантность, когда инициатор общения «сдобривает» сказанное двусмысленностью, оговоркой, шуткой, лестью, комплиментом, намёком, иронией, сарказмом, имитацией иностранного языка, копированием манеры речевого поведения популярной или известной личности.

Но, как известно, подобные «инициативы» могут озадачить собеседника: вместо ожидаемого понимания, дружеского расположения с доброжелательным участием «в языковой игре» мы можем встретить совершенно противоположную реакцию - непонимание, недоумение, наконец, нежелание общаться.

Всё дело в том, какова ЛИЧНОСТЬ говорящего и слушающего, сколь компетентны в области языка I и II лицо в общении, сколь уместны «нарушения» нейтрального тона общения в конкретной ситуации жизни, насколько верны стратегические и тактические «прогнозы» относительно 1) времени, 2) места, 3) темы, 4) интересов личности, включаемой в диалог со стороны инициатора общения.

Вы невольно или сознательно предлагаете языковую игру, становитесь «человеком играющим» - «*homo ludens*» - и ждёте реакции: примет ли тон игры тот, к кому вы адресовались...

«Непонимание» не всегда является «коммуникативной неудачей»: порою оно составляет самую весёлую часть речевого «обмена» языковыми формами. Приведём свежий пример из книги В. А. Лукина [5, 192] в пересказе: Куприна знакомят с писателем Балтрушайтисом:

- Балтрушайтис! - говорит представленный.
- Спасибо: я уже набалтрушался! - отвечает Куприн.
- Момент общего молчания.

Балтрушайтис понимает языковую модель по типу «угощайтесь!» и говорит:

- Ещё со мной рюмочку!

(По воспоминаниям А. Белого).

Там же содержится замечательный пример фонетического совпадения имени человека и название книги: Д. К. Мирон «равен» «Декамерону»! Индексальный знак в социуме может «нажить» семантику определённой репутацией: возникнет ассоциация на весьма игривые любовные истории эпохи Возрождения.

Языковая игра, или «игра слов» может оказаться неравной: один из участников не осознаёт уровня своей языковой компетентности. «Очаровывает» своим языковым невежеством претенциозная, напористая, но вечная (живучая) реклама. В лекциях Ю. В. Рождественского по общему языкознанию [7] приводятся дореволюционные надписи в Петербурге, когда «инициатор игры» не осознаёт того, что «наговорил»:

Парикмахер: «Стричка, бричка, мойка волосей».

Портной: «Мужественный портной, он же для медам».

В книге В. Г. Гака «Типы языковых преобразований»[4] приводятся примеры рекламы в современной Франции: рекламируются джинсовые брюки фирмы «Lee» [л'и]; расчёт авторов рекламы на чисто французский способ языковой игры, а именно: по-французски постель - *Lei* [л'и]; в рекламе текст: мне хорошо в моей... [л'и] - в постели? в джинсах?..

Следует признаться: мы играем на языке по поводу языка, так как наш язык, наша речь, по мысли А. С. Выготского и многих других учёных, равна нашей ЛИЧНОСТИ.

Возвращаясь к заголовку нашей статьи, мы не скрываем наличия в нём языковой игры: «людическая функция» - от «*homo ludens*», а не от «люди». Слова «людическая» и «люди» не имеют ничего общего между собой, кроме первых четырёх звуков. Но в контексте предлагаемой тематики срабатывает ассоциация «сходства», наперекор омонимии (омофонии). Среди коммуникативных функций языка: аппеллятивной, экспрессивной, фатической, метаязыковой, магической, эмотивной, эстетической, поэтической и др. - людическая функция выступает наряду с другими, чаще она сближается с поэтической, экспрессивной и аппеллятивной.

Что же мы видим отличительного, специфического в людической функции? Опираясь на приведённые в начале этого текста примеры, мы уже готовы к некоторым выводам: в языковых игровых формах присутствует особенная «иллюкутивная установка» на удовольствие от мыслительных операций над

языковыми формами в «круговороте общения». Мы сознательно вместо термина «коммуникация» вводим русское словосочетание «круговорот общения» (знакомое по работам Ю. С. Степанова, А. А. Реформатского, И. А. Мельчука и др.), ибо в языковой игре личностные отношения - важнейшее условие взаимопонимания: то ли участвовать в красивой и высококультурной игре, то ли в низменной и вульгарной, то ли в дурашливой и глуповатой - по уровню социальной личности и индивидуального вкуса.

Понятие «языковая личность» входит в состав концептуальных, то есть существенных, опорных, с обобщённым познавательным опытом. Когнитивная ценность этого концепта - в соединении во внутренней семантике динамизма, гибкости, переменчивости субъективизма с гибридностью, многомерностью, обобщённым характером типичных признаков субъекта действия. Речевая деятельность языковой личности оказывает влияние на качество рождающихся вследствие языковых варьирований, преобразований новых вербальных средств, обогащающих общенациональный язык. В отдельных случаях масштаб языковой личности таков, что это отражается на языковых процессах (такова роль Пушкина в русистике). Языковая компетентность в сочетании с нравственно обаятельными личностными качествами, прирождённая способность увлекать других людей своими идеями - это редкий дар. Индивидуальности столь высочайшего ранга соответствует концептуальное понятие «ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ личность». Можно засвидетельствовать в остротах, афоризмах и шутках таких людей наличие языковой игры, отголоски которой сохранились как интеллектуальное наследие.

Но людическая функция языка реализуется в структуре коммуникативного акта не только в сфере обитания выдающихся знатоков речевой культуры и незаурядных интеллектуальных дарований, но и на самом низу социальной лестницы среди малограмотности, невежества и - тем не менее - амбициозности, дерзости, раскованности, смелости.

В книге М. Бахтина «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса» [3] рассматривается «смеховое творчество» простонародья, площадной толпы, словесные смеховые (в том числе пародийные) жанры, в которых фамильярно-площадная речь выливается в «праздник дураков» - *festa stultorum*; среди игр весёлой глупости, шутовства выдвигается фигура «короля смеха» - *roi pur rire*. Игра приобретает сценические формы, обрастает традицией.

«В карнавале, - пишет Бахтин, - сама жизнь играет, а ИГРА на время становится самой жизнью». М. Бахтин находит сходство между Рабле и Гоголем: у Гоголя - «вольный рекреационный смех бурсы», например, Жом Брут, а у Рабле - Панург («Гаргантюа и Пантагрюэль»). У Гоголя - весёлая чертовщина на Украине, осмеяние официальности как таковой [2].

Итак, если цель языковой игры - веселье, удовольствие, юмор, то интересно, что думают об их природе психологи и когнитологи. В статье М. Минского «Остроумие и логика когнитивного бессознательного» [6, 281 – 309] ведётся диалог с З. Фрейдом, который, говоря обобщённо, СМЕХ назвал бессознательным удовольствием от ошибки другого. Смеющийся находит в другом человеке обоснование для своего «самоудовольствия».

«Юмор тесно граничит с бессознательным», юмор помогает обойти ненадёжность «логики здравого смысла» (в кавычках слова М. Минского).

«Грамматика юмора», или глубинная комическая структура, трудно поддаётся осознанию. М. Минский находит проблему в нечёткости причины и цели смеха, юмористического видения ситуации. Зато последствия смеха весьма значительны: смех цепко схватывает мысль и выводит абсурд в чёткий фокус. Так, например, одна дама из новых богачей, выпивая из термоса кофе с коньяком, изрекла: «Какое азлитарное общество!» - Аэлита? Элита? - что вызвало смех «по Фрейду»: «я рад, что это случилось не со мною». Но если острота сознательная и исходит от «языковой личности», то удовольствие получают и говорящий, и слушающие, например, у Пушкина: «И прекрасны вы некстати, и умны вы невопад!»

Для подтверждения мысли о естественности и повсеместности распространения языковых игр - поистине «круговорот общения!» - на наш взгляд, нельзя пропустить игры острословия в среде учёных. Игра словами - великолепная возможность реализовать себя для истинной языковой личности! Полны благоговейной почтительности и, вместе с тем, заразительной комичности воспоминания учеников о такой подлинно харизматической фигуре среди русских лингвистов, каким был А. А. Реформатский.

Как коренной москвич, гостеприимный и хлебосольный хозяин (учил и кормил своих аспирантов дома), он носил имя «Сан Сарыча», но одновременно, в меру своих обширных знаний подписывался иногда «Искандер Ислахи» (арабско-персидский перевод слов «Александр» и «Реформа»). Добрович-

ный, важный и официальный ряд президиума в академии он назвал «де сиянсом» (сведения из книг В. Г. Гака, Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука). Будучи педантом, в исполнении служебного долга, он со здоровой долей иронической насмешки над величавым, монументальным стилем почтенного собрания академиков обратился к коллегам якобы по-французски: «Кель накалитэ импостижибль?» (приблизительно следующее: «Как накалилась (обстановка) постижения?») (о его языке написаны книги, в том числе - «Языковая личность» Д. Н. Шмелева). Языковая игра как способность, как свойство языковой личности - достояние культурной социальной прослойки общества в противоборстве личности «языку власти», - «энкратическому языку». Р. Барт в разделе своей книги «Семиотика. Поэтика» «Война языков» энкратический язык «обвинил» в терроре против языковой личности: язык власти окружает человека так плотно, что он попадает в «объект» пассивного потребителя сильной логосферы радио, телевидения, газет, реклам, школы, суда, учреждений и т.д. Как остаться субъектом в речевой деятельности? Один из способов, на наш взгляд, - включиться в языковую игру! Сочинять! Творить! Вот как у В. Хлебникова обыгрывается корень «-смех-» и «-смея-»:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
Что смеянтвуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!

.....
Смейево! Смейево!
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики,
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Синтаксическая модальность «призыва» в формах повелительного наклонения; субъективная модальность, выраженная междометиями (7 раз - «О!»), - шутливая высокопарность при отсутствии смысловой нагрузки в тексте... Это языковая игра! Экспрессивность, эгоцентричность, индивидуализм не мешают «собеседнику» присоединиться «смехами» к «смеюнчикам» и «смехачам»...

Жизнь предоставляет столь обильный материал для демонстрации языковых игр, что можно утонуть в нем. Буквально в синхронном времени по телевидению звучит: «Я не трогал фрау Трогер», а в передаче НТВ «В нашу гавань заходили корабли» студенты 60-х годов склоняют в своей песне имя собачки Муму: муме, мумой, для мумы...

Попытаемся прийти к заключению к ряду выводов, подводящих итог нашим размышлениям:

1. Язык находится в непрерывном движении, непрекращающемся процессе «языковых преобразований».
2. Лингвистика по-новому осознаёт Картину Мира, отражённую в языке: динамические процессы, события, факты во временных изменениях «сменили «склад вещей и пространств» [1]: меняется мир - меняемся мы и наш язык.
3. Языковые формы претерпевают «давление» со стороны параллельно идущих процессов - *ономазиологических* и *семасиологических*: в самых разных коммуникативных целях «новое знание» может использовать «старую форму», а «старое знание» может выступать в «новой форме».
4. Вариативность в динамике языковых преобразований предстаёт и в игровых формах, - языковые игры придают общению непринуждённость, свободу, позволяют отдохнуть, переключиться, отвлечься, проявить свой интеллект, чувство юмора, умение влиять на собеседника.
5. Языковой игре свойственен соревновательный, агонистический характер. Модель игровой ситуации выглядит по-разному:
 - a. I субъект-инициатор ↔ II субъект-соучастник;
 - b. 1 личность ↔ группа лиц;
 - c. 1 личность ↔ сама с собой (работа над собственной речью, пробуждение «вкуса» к языковой форме).
 - d. Играют все ради игры, ради развлечения, удовольствия, времяпрепровождения, ради «карнавализации» сцен из жизни, ради добродушного розыгрыша импровизированного характера.

6. «Языковая игра» восходит к историческим народным формам карнавалов, ярмарочных праздничных представлений и характеризуется «понижением» стиля общения благодаря наличию в игровой языковой форме юмористического компонента: пародии, иронии, шутовства, балагурства, шутки, насмешки и т.п.
7. Языковые игровые формы противостоят официальному «сильному языку власти» - энкратическому дискурсу; языковая игра освобождает личность от «предписаний» разного толка, снимает напряжение от постоянного давления бюрократического аппарата власти, реализует индивидуальные способности человека общаться на своём личном языке. В этом смысле особую нишу занимают «языковые личности», своей притягательностью создающие «круговорот общения» и среду языковой коммуникации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. - М.: Наука, 1988
2. Бахтин М. Собр. соч. т.5- М.: Рус. словари, 1997.
3. Бахтина М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. - М.: «Художественная литература», 1990.
4. Гака В. Г. Типы языковых преобразований
5. Лукин В. А. Художественный текст. (Основы лингвистической теории и элементы анализа). - Учебник для филологических специальностей вузов. - М.: «Ось-89», 1999.
6. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII, - М.: Прогресс, 1988.
7. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. - М.: «Высшая школа», 1990.